

С.С. Балагунова

О ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Язык как средство коммуникации членов общества выработал предложение в качестве основной единицы общения. В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего. И с разнообразием его типов связана категория модальности.

В советском языкознании всесторонняя характеристика модальности дана в трудах академика В.В. Виноградова¹. Его учение о языковой модальности послужило теоретической базой для исследования модальности и средств ее выражения во многих языках народов нашей страны, причем языков разных систем.

В.В. Виноградов подчеркивает, что модальность прежде всего проявляется в предложении. Модальными различиями определяются типы предложений, в которых модальное значение "ярче всего и многообразнее выражается интонационным способом"² и является одним из основных, центральных языковых категорий. Кроме того, модальность передается всеми значениями и оттенками, выражаемыми синтетическими и аналитическими формами наклонений глагола³. Самые различные модальные значения выражаются наряду с этим и специальными модальными словами и частицами, союзно-модальными словами⁴. Модальные значения передают также вводные слова и выражения⁵.

Категория модальности не является относительно молодым явлением в языке. Наоборот, языковые факты всех типов языков говорят в пользу предположения о древнейшем происхождении интонационно-синтаксических средств передачи модальности (эмоционально-экспрессивных звуковых сигналов), модальных слов типа да, на, ну, нет⁶.

Категория модальности широко и разнообразно представлена и в современном бурятском языке. Об этом свидетельствуют формы категории наклонения, различные модальные слова и частицы, ко-

торые придают высказыванию или предложению всевозможные оттенки модальности. Но, к сожалению, приходится констатировать, что модальность как в плане ее содержания, так и выражения, эта интереснейшая область языка, пронизывающая всю его систему, до сих пор в бурятоведении, как и вообще в монголистике, остается слабо разработанной. Те же бурятоведные исследования, в которых затрагивалась эта тема, касаются лишь некоторых способов выражения модальности. Эта категория изучалась в основном на уровне синтаксиса в связи с категорией предикативности⁷, а также в составе категории наклонения⁸, наиболее полно разработанной в бурятском языке. Отдельные работы выделяли небольшое количество модальных частиц⁹. Несколько полнее представляет категорию модальности в бурятском языке специальная статья К.М. Черемисова¹⁰, в которой автор останавливается на некоторых формах выражения модальности. Он предлагает отнести к модальным некоторые дополнительно им выделенные наклонения глагола (опасительное, сослагательное), а также затрагивает модальные фразеологизмы, лексическое выражение модальности.

До сих пор в бурятоведении нет разработки классификации значений, выражаемых модальными словами и словосочетаниями, не выявлен полный состав частиц, их отношение к категории модальности, не описаны значения и употребление каждой частицы, большинство которых многозначно. Кстати следует отметить, что бурятский язык имеет большое количество разнообразных частиц, которые являются богатейшим средством выражения языковой модальности. Этими частицами бурятский язык снабжен гораздо богаче остальных монгольских языков.

Почти не разработана в бурятском языке и модальная функция речевой интонации.

В данной статье сделана попытка комплексно рассмотреть представленные в бурятском языке средства выражения модальности и выявить их значения.

1. Синтаксическое выражение модальности путем интонации

Функциональный объем интонации как средства выражения модальности весьма широк. "Отражая действительность в той или иной форме высказывания, целостное выражение мысли, побуждения облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтак-

сических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности"¹¹. Считается, что слова и словосочетания, соединенные в предложении посредством тех же приемов согласования, управления и примыкания, которые характерны для словосочетаний, без соответствующей организации их интонационными средствами еще не представляют собой сообщения. "Интонационными средствами устанавливается коммуникативное значение слов в предложении, производится членение предложения и осуществляется его внутреннее единство"¹². Таким образом, интонация является грамматическим средством оформления предложения и выступает в качестве одного из постоянных характерных признаков предложения. Именно в этом признаке заключается одно из коренных отличий предложения от словосочетания. Главными интонационными признаками, выполняющими основные функции в организации предложения и выражении его содержания, являются ударение и мелодика.

Модальность высказывания, выражаемая интонацией, наблюдается во всех морфологических типах предложений – глагольных, именных, наречных, еждометных и т.д. "Различием интонаций определяются основные функциональные и вместе с тем модальные типы предложений: предложения повествовательные, вопросительные и восклицательные"¹³. В бурятском языке "в зависимости от цели и характера высказывания выделяются следующие функционально-модальные виды предложений: повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные"¹⁴.

Вопросительные предложения в бурятском языке оформляются при помощи вопросительных местоимений, наречий, глаголов или частиц, которые и служат для выражения вопросов. Кроме того, в данных предложениях имеется особая вопросительная интонация, характеризующаяся особо высоким произношением того слова, к которому преимущественно относится вопрос, например: "Ши хэзээ амаралтада гарааби?" – "Когда ты вышел в отпуск?"

Ши хэзээ амаралтада гарааби?

Ши хэзээ амаралтада гарааби?

Ши хэзээ амаралтада гарааби?

Ши хэзээ амаралтада гарааби?

Общая интонационная фигура оказывается в одних случаях восходя-

ше-нисходящей (первые два случая), в других - просто нисходящей (3-й случай) и в третьих - просто восходящей (4-й случай).

Одному и тому же высказыванию посредством интонации может быть внесен вопросительный смысл: "Хуйтэрэгшэ аа гу?" - "Похолодает ли?" или оттенок опасения, предостережения: "Хуйтэрэгшэ аа гу" - "Как бы не похолодало". Представляется необходимым указать на связь многих лексических выражений модальности со строго определенными формами интонации. Например, частица аа гу в значении 'пожалуй', 'может быть', 'должно быть' в составе вопросительного и восклицательного высказывания: "Туруулэгшэ ерээ аа гу?" - "Может быть, председатель приехал?"; "Иимэ юмэн болохо аа гу гэжэ мэдээл ьэм!" - "Я так и полагал, что именно это случится!"

Риторические вопросительные предложения не требуют ответа, так как они содержат скрытое утверждение: "Юуншье саг болобо гэшэб? Ямар ором дуримгуй залуушуул ябаха юм!" (Тум., Тала - 4) - "Что за время такое пришло? Какие невоспитанные и бестолковые молодые люди бывают!" В бурятском языке встречаются и такие вопросительные предложения, которые имеют оттенок побуждения к действию: "Сэхьнень хэлэхээ яадаг хумши?" - "Почему ты не скажешь правду?"; "Эй, наашаа ерыш, юуньээ айгаа хумши?" (Дуг., Булг. - 90) - "Эй, иди сюда, чего испугался?"

При помощи разных оттенков интонации волеизъявления предложения выражают категорическое приказание, требование, призыв, побуждение к действию, просьбу и т.д. Такие предложения называются побудительными, сказуемое в них выражается глаголом повелительно-желательного наклонения: "Хойнооомни шамдаад ошо" (Х.Н., т. 5 - 34) - "Иди быстрее за мной"; "Хайшан гэхэб, тиигээд лэ тараял даа" (Х.Н., т. 5 - 12) - "Что ж, давайте так и разойдемся"; "Контородонь ошолдожо туналыт" (Х.Н., т. 5 - 234) - "Помогите нам, пойдёмте в контору вместе".

По поводу восклицательных предложений существуют разные мнения. Тюркологи их выделяют в самостоятельный тип предложения, но не все называют модальными. Так, в татарском языке М.З. Закиев восклицательные предложения выделяет как модальные типы предложений со следующими разновидностями: 1) интеллектуально-восклицательные, выражающие удивление, иронию, презрение, пренебрежение, недоумение, сомнение, неуверенность или уверенность и т.д.; 2) восклицательно-эмоциональные, выражаю-

шие различные чувства: ужас, страх, гнев, злость, ненависть, жалость, нежность, ласку, любовь, восхищение, похвалу, жалобу, упрек, порицание, угрозу, возмущение и т.д.; 3) восклицательно-побудительные, выражающие приказ, призыв, просьбу, мольбу, желание и т.д.¹⁵

В "Грамматике бурятского языка" говорится, что "восклицательные предложения – это те же повествовательные, вопросительные или побудительные предложения, которые произнесены с усиленной эмоциональностью"¹⁶. Примеры: "Һайн шанартай продукция абахын тулее ороддое!" – "Давайте бороться за выпуск качественной продукции!"; "Зуб хэлэнэш!" (Х.Н., т. 5 – 71) – "Правильно говоришь!"; "Мори абагты!" (Х.Н., т. 5 – 70) – "Принимайте коня!"; "Хаанаб тэрэ басагамни?!" (Балд., Пьес. – 28) – "Где дочь моя?!"

Основную модальную функцию речевой интонации В.А. Артемов (экспериментально исследующий интонацию) видит в выражении чувств и воли, без элементов которых "немыслима никакая жизненная коммуникация"¹⁷. При этом он подчеркивает, что синтаксис "почти не располагает средствами кодирования модальной, т.е. эмоционально-волевой информации. Эту роль исполняют лексика и интонация"¹⁸.

2. Лексическое выражение модальности при помощи модальных слов и модальных значений глагольных слов

Модальность для выражения намерения, возможности, долженствования, предположения, предостережения представлена в бурятском языке и лексически. Одним из важных вопросов грамматики является вопрос о системе лексического обозначения посредством имен существительных, прилагательных, наречий и глагольных форм тех состояний, переживаний, отношений, волевых устремлений, качественных оценок, которые связаны или могут быть связаны по своей семантической природе с категорией модальности. Ведь соответствующие имена или наречия тем или иным способом могут быть приспособлены к выражению или обозначению модальности высказывания, "могут быть включены в его семантическую и синтаксическую структуру в качестве своеобразных модально-вводных членов предложения"¹⁹ или, по терминологии академика И.И. Мещанинова, "вводных – обособленных членов субъективного отношения"²⁰.

В бурятском языке большинство модальных слов и глагольных слов с модальным значением в сочетании с причастием и деепричастием в предикативной функции выражают возможность и невозможность, предположение, намерение, желание совершить то или иное действие.

Модальные слова на -тай или с отрицательной частицей -гуй в сочетании с причастием выражают намерение, долженствование, возможность, предположение и некоторые другие значения модальности²¹. Сочетание будущего причастия и модального слова һанаатай или таамтай придают высказыванию оттенок намерения, желания совершить действие, названное причастием знаменательного глагола: "Ушөө уөө харжугаа нэхэхэ һанаатай гүш?" (Х.Н., т. 5 - 143) - "Еще и намерен ты добиваться мщения?"; "Тэрэш юмэ нураха таамтай һэн" - "Он был склонен спросить о чем-то". Но если причастие основного глагола употреблено с возвратным притяжением, а модальное слово - с отрицанием -гуй, то такое сочетание выражает отсутствие намерения или желания совершить действие: "Би унтахаа һананагуйб" - "Я не хочу спать".

Модальные слова ёһотой, баатай, хэрэгтэй, ушартай 'следует', 'надо', 'нужно' в сочетании с будущим причастием основного глагола выражают необходимость или долженствование: "Энээндэ бидэ хоёр этигэхэ ёһотойбди" (Х.Н., т. 5 - 247) - "Мы с тобой должны верить ему"; "Туд буридөө нохойтой арбаад хун ганса булга намнаха баатай болохо юм" (Дуг., Булг. - 8) - "Около десяти человек, каждый с собакой, вынуждены были гнаться за одним соболем"; "Саагуур бодолсохо хэрэгтэй байна" (Х.Н., т. 5 - 14) - "Следует подумать поглубже"; "Маанарай хэлээн заяан юмэ таанараар дургэгдэжэ байха ушартай" (Х.Н., т. 5 - 391) - "То, что нами указано, должно исполняться вами". Эти же модальные слова с отрицательной частицей -гуй показывают в данном сочетании отсутствие необходимости или долженствования: "Тиимэ дээрээнэ өөрүнгөө зоболонто байдалһаа сүхэрхэ сүхариха хэрэггүй" (Х.Н., т. 5 - 208) - "Поэтому не следует отчаиваться и отступать от своей горькой судьбы".

Модальное значение предположения, догадки выражает сочетание, состоящее из причастия основного глагола и одного из таких модальных слов, как түхэлтэй, хэбэртэй, ёһотой, янзатай и других, имеющих значение 'пожалуй', 'кажется', 'должно быть', 'по-видимому'. Например: "Суглаанай зон соогуур хэниешьеб бэ-

дэрхэн хэбэртэй" (Х.Н., т. 5 - 395) - "Казалось, что кого-то ищет среди массы на собрании"; "Ехэл зүрхэ алдаан түхэлтэй" (Х.Н., т. 5 - II) - "По-видимому, не мог решиться"; "Ноён полковник, та генерал болонхой байгаа ёьтойт" (Х.Н., т. 5 - 393) - "Господин полковник, вы, должно быть, стали генералом". А со словом аргатай выражает возможность совершения действия: "Хэдне сабшаха аргатай байнаш?" (Х.Н., т. 5 - 99) - "Сколько сможешь скосить?"

Все рассмотренные примеры имеют отношение к модальности, включенной в форму предиката (ср. также сочетания: Бадма хэбэртэй, ьайн хэбэртэй, ябанхай хэбэртэй, ябаба хэбэртэй, яба-на хэбэртэй, ябадаг хэбэртэй, ябаха хэбэртэй). А модальность, выражаемая вводными словами и словосочетаниями, несколько иного типа. "Модальные краски и оттенки, создаваемые вставкой или введением этих синтагм, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, т.к. они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение"²². Так, слово магад в "Бурятско-русском словаре" дается в значениях 'возможно', 'может быть', 'быть может',²³ и может выражать оттенок предположения, возможности: "Ерэжэшье магад" - "Возможно и придет".

Но наряду с этим, в "Грамматике бурятского языка" это слово отнесено к вводным словам²⁴. Хотя оно и не входит в состав предложения, а лишь примыкает и относится к нему в целом или к его частям, оно выражает модальный оттенок возможности и предположения, т.е. "второй слой" модального значения. Вообще в бурятском языке большинство модальных слов выступает в позиции вводного члена предложения, т.е. произносятся с пониженной интонацией, выделяется паузами, иногда на письме отделяется запятыми. Поэтому зачастую бывает трудно определить грамматические функции подобных слов.

"Магад, ьянай унтан хэбтэнгуй Хутаанхын хойнооо ябуултандаа хусэ шадални нэгэ бага буураба гү?" (Ар. онт. - I38) - "Может быть, немного поубавилась моя сила из-за того, что последнее время я без сна и отдыха гнался за Хутаном?"; "Магад, хубуунэйнгээ нэгэ бага томо болохые хүлеээншье юм бэээ" (Дуг., Булг. - I31) - "Быть может и ждал, когда сын немного подрастет"; "Магад, тэрэ Үеын ангуушадай агы байжа болоо гү?" (Дуг., Булг. - I28) - "Может это и есть та пещера, где останавливались охотники тех времен?"

Вместе с тем вводные слова и словосочетания расширяют круг тех модальных значений, которые выражаются как интонацией, так и формами глагола и глагольными конструкциями. Более того, они, вводные синтагмы, лексически расширяют рамки самой категории модальности в сторону выражения разных логически- и эмоционально-оценочных значений и разных стилистических квалификаций речи. Но модальные и вводные слова – это разные категории. Модальные слова – особая морфологическая категория, служебная часть речи. А вводные слова (точнее, вводные члены предложения) – синтаксическая категория, ими может быть знаменательное слово или словосочетание, не подвергаясь грамматикализации.

Несколько замечаний о глагольных словах с модальным значением. Сочетание деепричастия и вспомогательного глагола с модальным значением в предикативной функции выражает возможность или невозможность, попытку или намерение совершить действие. К таким глаголам относятся: шадаха 'мочь', 'уметь', ядаха 'не мочь', 'не уметь', туршаха 'пробовать, испытывать', 'пытаться' и др. В составе сложного сказуемого они сами по себе имеют известный оттенок модальности, выступающий на первый план: "Дурөө оложо ядааб" (Х.Н., т. 5 – 20) – "Я не смог найти стремя"; "Урээз хун болгожо, урээгээ морин болгожо шадахааб" (Х.Н., т. 5 – II2) – "Я сумею воспитать человека из моего дитя, а лошадку сделать настоящим конем".

Такие глаголы, как болохо с первоначальным значением 'становиться, делаться', узэхэ 'смотреть, рассматривать', халаха 'отделаться, расставаться', утрачивая свое значение, приобретают модальность в соединении с деепричастием. Так, сочетание соединительного или разделительного деепричастия и вспомогательного глагола узэхэ обозначает попытку совершить то или иное действие, что часто выражается в форме повеления или пожелания: "Убгэн ангуушанай хэлэнье бодожо узэгты" (Дуг., Булг. – I3) – "Вы постарайтесь обдумать то, что сказал старший охотник". Со вспомогательным глаголом халаха приобретает значение желания добиться или, наоборот, отказаться от того, что обозначено дополнением к сказуемому: "Хэзээшье иимэ кумэ боложол халаха байгаа даа" (Х.Н., т. 5 – 84) – "Все равно должно было случиться такое". Глагол болохо с соединительным деепричастием выражает возможность, позволительность, допустительность совершения действия, с отрицанием -гуй – невозможность, запреще-

ние совершения действия, непозволительность: "Энэ нохойшни шадажашье болохо" (Х.Н., т. 5 - 107) - "Эта "собака" возможно и сумеет"; "Тамхи татажа болохогуй!" - "Курить воспрещается!"

А заменное деепричастие само по себе обозначает действие, совершение которого признается желательным и вместо которого более желательным считается совершение основного действия: "Уеынгөө Һайхан нухэрхөө Һаланхаар, үхэжэ хосорьомни дээрэ" (Х.Н., т. 5 - 30) - "Чем расстаться с близким другом, лучше мне умереть".

3. Выражение модальности посредством служебных слов - модальных частиц

К частицам со смысловой функцией принадлежат модальные частицы, которые придают всему высказыванию различные оттенки субъективного характера. Говорящий, употребляя эти частицы, выражает свое отношение к действительности.

Бурятский язык богат частицами, при помощи которых выражаются предположение или сомнение, утверждение или отрицание, вопрос или подтверждение, а также передаются экспрессивно-усилительные оттенки высказывания. Модальные частицы, будучи предикативными, или, по терминологии некоторых монголоведов, "сказуемыми", придают оттенок модальности предложению в целом²⁵. Иначе говоря, модальные частицы отличаются от других разрядов частиц тем, что они нередко относятся не к какому-то отдельному слову предложения, а к предложению в целом.

В зависимости от того, какое модальное значение придает та или иная частица высказыванию, встречающиеся в литературе частицы можно разделить на следующие группы по их выполняемой функции.

1. Частицы, придающие высказыванию предположительности: аабза 'наверно, поди': "Харин Бадма абгай өөрөө мэдэнэ аабза" (Х.Н., т. 5 - 148) - "Но дядя Бадма, поди, и сам знает"; аалам 'может быть, пожалуй': "Хадам эхэшни оройдоошье убшэлеегуй байжа болоо аалам?" (Цыд., Сэсэг - 19) - "Может быть, твоя теща совсем и не заболела?"; алтай 'должно быть, по-видимому, поди': "Зай, ажал худэлмэришни урагштай Һайн ябажа байна алтай" (Х.Н., т. 5 - 173) - "Что ж, видимо, работа твоя идет успешно"; бэээ 'надо полагать, видно': "Та хоёр хоорондоо ойлголсоно хөөрэлдэнэ бэээт" (Х.Н., т. 5 -

175) - "Вы между собой, надо полагать, найдете общий язык"; ха 'видимо, должно быть, кажется, пожалуй': "Хожулан архи уун-хайл ха" (Цнд., Сэсэг - 36) - "Оба они, кажется, выпившие"; гээбэ 'видимо, возможно': "Уйлэмни иимэл юм ьэн гээбэ даа" (Х.Н., т. 5 - 150) - "Судьба, видимо, у меня такая"; аа гү 'надо полагать': "Мун аа гү гэжэл ьанаа ьэм" (БРС - 15) - "Я так и думал, что это он"; аал 'кажется, видимо': "Удахагуй үзэхэ юумэээ үзэхэээ байна бэшэ аалди" (Х.Н., т. 5 - 141) - "Кажется, скоро увидим то, что нужно".

2. Частицы, выражающие вероятность: алтай 'вероятно': "Таанар энэ гэрээ барижа дууьахаяа болёо алтайт?" (Х.Н., т. 5 - 186) - "Вы, вероятно, так и не достроете этот дом?"; гээлтэй 'вероятно, хочет, полагает' - модальная форма, сложившаяся путем слияния причастия прошедшего времени от глагола гэхэ и модальной частицы алтай: "Ши намайе баярлуулха гээлтэйш" - "Ты, вероятно, хочешь обрадовать меня"; ха, хаш 'надо полагать, вероятно, кажется, видимо': "Энэ хубуун юу хээ ойлгоол хаш" (Дуг., Булг. - 124) - "Этот парень, надо полагать, понял кое-что".

3. Частицы, обозначающие возможность: алтай 'возможно'; гээбэ 'видимо'; гээлтэй 'видимо, возможно' и др.: "Та хазгай дуулаан байба алтайт" - "Вы, возможно, неправильно слышали". Модальные частицы, выражающие и предположение, и вероятность, и возможность совершения действия, переплетаются так меж собой, что иногда трудно выделить то или иное значение, т.е. одна и та же частица может придавать разные оттенки модальности в зависимости от контекста. Из приведенных примеров видно, что некоторые модальные частицы (не только названные, но и другие, о которых говорится далее) принимают еще и лично-предикативные частицы.

4. Частицы, отражающие утвердительное предположение: гээшэлтэй 'кажется, наверно, видимо': "Мини хубуунэй гараар тэрэ Цыремпилне угы болгуулха гэжэ ашалань гээшэлтэй" (Х.Н., т. 5 - 110) - "Видимо, станет дурачиться, чтобы убраться этого Цыремпила при помощи моего сына".

5. Предположительный вопрос выражает модальная частица ааб в сочетании с вопросительными словами хэн (кто)?, вун (что)?, ямар (какой)?, хаана (где)?, хэзээ (когда)? и т.п.: "Хэзээ суглаан болохо ааб?" - "Когда же будет собрание?"

6. Частицы со значением сомнения, неуверенности: аабы 'разве, неужели, ли, неужто': "Байвалай нохой шархатаад унашоо бэшэ аал" (Дуг., Булг. - 90) - "Это не Байвала ли собака упала раненая"; аа гү 'может и, ли': "Энэш тэрэ хэлэгшэ хүниинь бэшэ аа гү" - "Это не тот ли человек, о котором он говорил".

7. Удивление, недоумение могут быть обозначены частицей бы 'неужели': "Тииггэжэ хэлээ бы" - "Неужели он так и сказал", "Как, он так и сказал?"

8. Частицы, передающие утверждение факта, который неоднократно повторялся, стабилизировался или давно известен говорящему: агша "Лама хубарагташье ургэдэг угэдэгшье агшаб" (Х.Н., т. 5 - 18) - "Я уж и ламам и послушникам подношение делаю". Кроме того, данная частица может выражать вопрос по поводу такого факта, о котором говорящий имеет сведения, но хочет удостовериться, уточнить, выяснить более подробно: "Тэрэнэй нэрэ хэн агша бэлэй?" - "Как, бишь, его зовут?"; гээшэ 'значит, выходит, ведь, же, уж, обязательно, стало быть' и т.д.: "Эдэ хара нохойнуудта ами нааяа шортоол алдажа болохо байна гэшэбди" (Х.Н., т. 5 - 329) - "Ведь ни за что мы можем попасться этим "собакам"; "Та манайда орохо бууха гэшэлта" (Х.Н., т. 5 - 174) - "Вы уж обязательно должны навестить нас"; даа 'конечно, обязательно, ведь, бесспорно': "Дари худагы янала зүб хэлэнэ даа" (Х.Н., т. 5 - 13) - "Сватья Дари ведь вполне правильно говорит"; хамнай 'ведь, же и др.': "Бага зэргын кумэдэ булигдажа, хойнонь гарадаггүй хамнайш" (Х.Н., т. 5 - 173) - "Ведь ты не отставал, поддавшись разным мелочам"; хаям 'ведь': "Хун зоной хэлсэдэг үнэн гэшэ хаям" (Х.Н., т. 5 - 149) - "Ведь правда то, что говорят люди". Частицы даа, хаш, утверждая тот или иной факт, еще и выражают уверенность в этом: "Хэтэдээ саг хубилжал байха даа" (Дуг., Булг. - 25) - "Конечно же, время изменится навсегда"; "Үнөөхил хунуудэй амбаар сайба хаш даа" (Дуг., Булг. - 98) - "Ведь показался-то амбар именно тех людей".

9. Частицы с нюансами подтверждения, согласия: ааб даа 'конечно': "Олохогүйб гэжэ уймарлажа байгаа ааб даа" (Х.Н., т. 5 - 16) - "Конечно же дурит, что не пойдет"; хари 'да', 'ну да': "Хари бишьэ тииггэжэ бодоном" - "Да, и я так же думаю".

10. Подчеркивание факта или подтверждение могут выражаться частицей лэ, -л 'конечно, именно, ведь, -ка, же, уж'; "Танда бури амар байхал" (Х.Н., т. 5 - 12) - "Вам же еще легче будет"; "Иигэжэ яабашье болодоггүй юм лэ" (Х.Н., т. 5 - 95) - "Ведь нельзя же так поступать".

11. Просьбу обозначают частицы ла, даа '-ка, же, а': "Тэндэ ошоод ерэ ла" - "Сходи-ка туда"; "Тургэн ябал даа" - "Иди же быстрее".

12. Усиленную просьбу выражают при помощи частицы -за 'же': "Дуулалза" - "Спой же".

13. Допущение может быть передано частицей гэлэй 'допустим и ...': "Эхынгээ пенси залгибашье нэн гэлэйш" (Цыд., Сэсэг - 31) - "Допустим ты и пропил (досл. проглотил) пенсию матери..."

14. Модальная частица дааа усиливает значение таких назывных предложений, которые выражают возмущение или являются ругательствами: "Шудхэр дааа" - "Черт паршивый", "Вот черт".

15. Модальная частица ааг или лэ с глаголом повелительно-желательной формы 3 лица употребляется в значении 'ну и пусть, пускай', 'хотя бы и так': "Тиимэ ааг" - "Пусть будет так", "Хотя бы и так"; "Дуугарха зориггүй хадаа баьуулжал ьуут лэ" (Цыд., Сэсэг - 19) - "Раз нет смелости выступить, пусть сидит и слушает издевательства".

Некоторые имена и причастия получают возможность употребляться в качестве сказуемого, благодаря модальным частицам, которые в таких случаях выступают как оформители предложения. В бурятском языке, например, причастие прошедшего времени само по себе, как правило, не может быть сказуемым, однако в сочетании с модальной частицей оно может употребляться в этой функции: "Тиигэжэ гайхампаг гоё модон ургаашаан ха" - "Таким образом выросло красивейшее дерево".

Вышерассмотренные частицы - это не полный состав модальных частиц в бурятском языке, а наиболее употребительных. Большинство их многозначно, и каждый оттенок той или иной частицы тесно связан с модальным значением глагольной формы и всего предложения, т.е. с синтаксической категорией модальности.

4. Выражение модальности грамматическими средствами

Категория наклонения является универсальным и наиболее распространенным средством грамматического выражения модальности. В работах по бурятскому языку выделяется различное количество наклонений. Д.Д. Дугар-Жабон, один из авторов учебников, пишет о наличии трех наклонений: временного (суглуульан), обращения (хандаан) и желательного-предостерегательного (хусээн-нэрглуульан)²⁶. Д.Д. Амоголонов различает два наклонения: изъявительное и повелительно-желательное, или, как традиционно принято, изъявительная форма и формы обращения²⁷. К.М. Черемисов упоминает об опасительном наклонении (или предостерегательном), наряду с чем он констатирует существование сослагательного (условного) наклонения, "которое предпочтительнее было бы назвать предположительным наклонением, выражаемым сочетанием формы прошедшего времени с частицей бы"²⁸.

В академической грамматике бурятского языка профессором Г.Д. Санжеевым выделены два наклонения: изъявительное и повелительно-желательное. Хотелось бы особо отметить изъявительное наклонение, куда автор относит временные формы глаголов, которые, казалось бы, не являются причастными к наклонениям. "В бурятском языке изъявительные формы глагола относятся к категории времени"²⁹, и в то же время автор отмечает, что "категория наклонения свойственна повелительно-желательным и изъявительным формам"³⁰. Между тем грамматическая категория — это "одно из наиболее общих свойств лингвистических единиц вообще или некоторого их класса, получившее в языке грамматическое выражение"³¹. Следовательно, для выражения модальности необходим особый выразитель в виде аффиксов. А в формах изъявительного наклонения настоящего и прошедшего времени в наличии имеются только выразители времени. Более того, так называемая изъявительная форма настоящего времени выражает действие собственно настоящего времени. Это еще раз доказывает, что "система форм времени органически связана с формами наклонений"³². А термин "наклонение" означает "собственно изменение по лицам и числам"³³.

Если говорить об изъявительной форме заведомо-прошедшего времени, которая образуется путем прибавления суффикса -лай

(-лэй, -лой) к глагольной основе, то такая форма выражает "действие, которое представляется заведомо известным как говорящему, так и слушающему, а также и такое, предстоящее совершение которого оказывается несомненным в пределах ближайшего будущего или даже момента речи"³⁴. Эта форма в бурятских диалектах и говорах употребляется чаще со значением предостережения: уна 'упасть' + -лай = уналай 'как бы не упал'. В литературном языке она встречается редко, но тем не менее известна в произведениях Х. Намсараева, Ж. Тумунова, Н. Балдано, Д.-Д. Дугарова и др. Например: "Хоёр маяа хулышни хуха сохи-жорхилойб!" - "Как бы я не поломал твои кривые ноги!", "Взять да сломать бы твои кривые ноги!"; "Иимэ юмэнэй болохне хэн урда хойно узэлэй дуулалай даа!" (Х.Н., т.5 - 56) - "Кто бы мог увидеть и услышать, что такое может случиться!"; "Арбаад жэлдэ зобоюн, тулианаа юу хэлэлэйб" (Х.Н., т. 5 - 190) - "Что и говорить о том, как страдала и мучилась эти десять лет"; "Ошоол хадаа ошоо, хаана бэдэржэ ябалайб" (Х.Н., т. 5 - 162) - "Ушла так ушла, где уж ее искать"; "Шандаган шэнги шахыжа, бухыжэ, кугээ ябалайб" (Х.Н., т. 5 - 82) - "Чего уж ходить, как заяц, сгорбившись, втянув голову в плечи"; "Хосорлойди! Хосорлойди!" (Тум., Тала - 125) - "Погибли мы! Погибли мы!"; "Туруушээр нүлэмхээр, тиггээд улам тодоор уулэнэй саанааа нара шагаалай" (Дуг., Булг. - 105) - "Сначала тускло, затем все яснее выглядывала луна из-за облаков"; "Сагаан шоно ангуушадай дээдэ талаархи ьөөгууд дундуур соёрон ябашалай" (Дуг., Булг. - 105) - "Белый волк ускакал меж кустов, находящихся дальше охотников"; "Һалганад гээн гараа дээрэ ургэжэ, урхатай булгача уһан уруу хаяжархилай" (Дуг., Булг. - 11) - "Подняв трясущиеся руки высоко, он бросил соболя в капкане в воду".

Из этих примеров видно, что данная форма выражает довольно разнообразное значение. Так, в первом предложении превалирует оттенок угрозы, в следующих явствуют удивление, сожаление и испуг, а в трех последних доминирует простое повествование, т.е. дана субъективная оценка достоверного отражения действительности, которое не имеет прямого отношения к истинности и ложности высказывания.

По-видимому, как пишет Н.Е. Петров, "значение изъявительно-го склонения весьма емкое и абстрактное, морфологически не маркировано, но оно непосредственно вытекает из требований ре-

чегого общения, выражая отношение действия к действительности, устанавливаемое с позиции говорящего ... Изъявительное наклонение — это прямой аналог именительного падежа, который также имеет нулевую форму ... Его значение ясно проявляется в общей системе семантики наклонений"³⁵. Автор утверждает наличие данного наклонения, в частности в связи с новым подходом к классификации наклонений в бурятском языке Ц.Б. Цыдендамбаевым, который отрицает изъявительное наклонение, навывая его "мнимым"³⁶. Основываясь на языковых фактах, Ц.Б. Цыдендамбаев в бурятском языке выделяет 6 наклонений: повелительное, увещательное, призывное, желательное, волевое и предостерегательно-допустительное³⁷.

Формы наклонений в бурятском языке разнообразны и по содержанию, и по маркировке, что свидетельствует о значительном развитии в нем глагольной модальности.

Обращение к языковым средствам выражения модальности в бурятском языке показало, что эта категория представлена в нем широко и пронизывает буквально все языковые уровни. Она выражается интонационно, синтаксически, грамматически и лексически. Особенно развитыми оказались в бурятском языке грамматические средства выражения модальности при помощи категории наклонения, само число которой непосредственно предопределено актуализованными модальными значениями, а также лексические — как особыми значимыми модальными словами, так и специальными служебными словами с чисто модальными значениями, которые принято называть модальными частицами. Дальнейшее изучение проблемы модальности в бурятском языке необходимо, поскольку наша первая попытка систематизации средств ее выражения и выявления значений модальных слов и модальных частиц показала, что категория модальности в бурятском языке, ее планы содержания и выражения чрезвычайно богаты и разнообразны. Их максимальное выявление позволит полнее представить строй бурятского языка.

¹ См.: Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке// Тр. Ин-та русского языка. — М.-Л., 1950. — Т. 2; Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — 2-е изд. — М., 1972; Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. — М., 1975; Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке// В.В. Виноградов. Избранные труды: Исследования по рус-

ской грамматике. - М., 1975; Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка)// В.В.Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. - М., 1975.

2 Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке// Избранные труды: Исследования по русской грамматике. - М., 1975. - С. 57-58.

3 См.: там же, с. 62-64.

4 См.: там же, с. 72-87.

5 См.: там же, с. 66-70.

6 См.: Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. - Новосибирск, 1982. - С. II-III.

7 См.: Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка: Синтаксис. - М., 1962. - С. 7-9, 32-61.

8 См.: Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык: Учебник для высших учебных заведений. - Улан-Удэ, 1958; Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. - М., 1962; Дугар-Жабон Д.Д. Бурят хэлэн. - Улан-Удэ, 1964. - Ч. I.

9 См.: Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. - М., 1962. - С. 321-322.

10 См.: Черемисов К.М. К вопросу о модальности в бурятском языке// К изучению бурятского языка. - Улан-Удэ, 1969.

11 См.: Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке// Избранные труды: Исследования по русской грамматике. - М., 1975. - С. 41.

12 Грамматика русского языка: Синтаксис. - М., 1954. - Ч. I. т. 2. - С. 76.

13 Там же, с. 77.

14 Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка: Синтаксис. - М., 1962. - С. 9.

15 См.: Закрев М.З. Синтаксический строй татарского языка. - Казань, 1963. - С. 66-67.

16 Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка: Синтаксис. - М., 1962. - С. 10.

17 Артемов В.А. Коммуникативная, синтаксическая, логическая и модальная функции речевой интонации// Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. - М.: Изд-во МГУ 1966. - С. 13.

18 Там же, с. 12.

19 Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке// Тр. Ин-та русского языка. - М.-Л., 1950. - Т. 2. - С. 55.

20 Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. - М., 1945. - С. 198.

21 См.: Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка: Синтаксис. - М., 1962. - С. 52.

22 Виноградов В.В. О категории модальности и модальных сло-

вах в русском языке// Тр. Ин-та русского языка. - М.-Л., 1950, - Т. 2. - С. 59.

23 Бурятско-русский словарь. - М., 1973. - С. 289.

24 См.: Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. - М., 1962. - С. 115.

25 См.: там же, с. 8.

26 См.: Дугар-Жабон Д.Д. Бурят хэлэн. - Улан-Удэ, 1964. - Ч. I. - С. 114.

27 См.: Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык: Учебник для высших учебных заведений. - Улан-Удэ, 1958. - С. 199.

28 Черемисов К.М. К вопросу о модальности в бурятском языке // К изучению бурятского языка. - Улан-Удэ, 1969. - С. 52, 57.

29 Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. - М., 1962. - С. 157.

30 Там же, с. 157.

31 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1969. - С. 191.

32 Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. - 2-е изд. - М., 1972. - С. 457.

33 Там же, с. 458.

34 Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. - М., 1962. - С. 265.

35 Петров Н.Б. О содержании и объеме языковой модальности. - Новосибирск, 1982. - С. 23.

36 Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. - М., 1979. - С. 135.

37 См.: там же, с. 135-139.

Принятые сокращения

Х.Н., т. 5 - Хоца Намсараев. Сугдуулагдамал зохёолнууд. Табан том. - Т. 5: Собр. соч. в 5-ти томах. Роман. - Улан-Удэ, 1959.

Тум., Тала - Жамсо Тумунов. Нойрьоо ьэриьэн тала. - Улан-Удэ, 1949.

Цнд., Сэсэг - Чимит Цыдендамбаев. Улаан сэсэг. Рассказууд. - Улан-Удэ, 1964.

Балд., Пьес. - Намжил Балдано. Шэлэгдэмэл пьесэнууд. - Улан-Удэ, 1948.

Дуг., Булг. - Д.-Д. Дугаров. Хара булган. - Улан-Удэ, 1969.